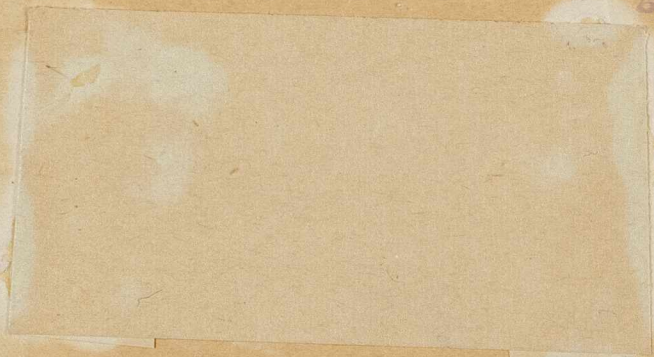

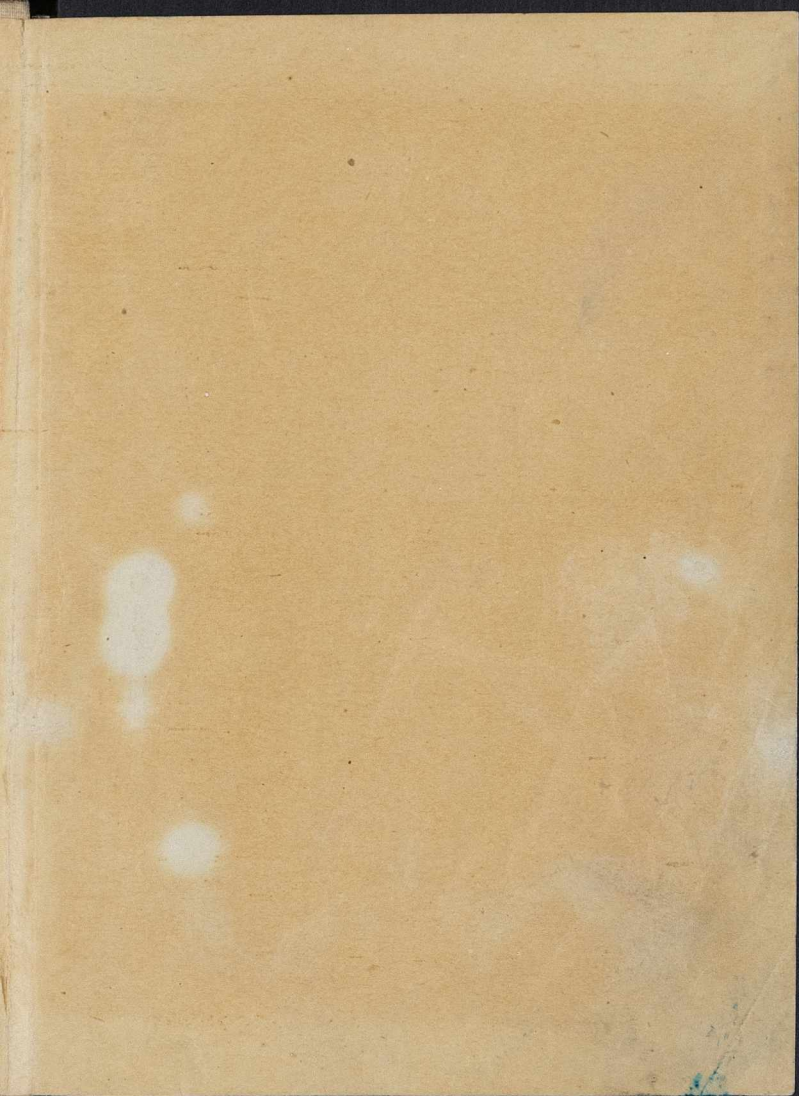
К
С
Конст. Седых

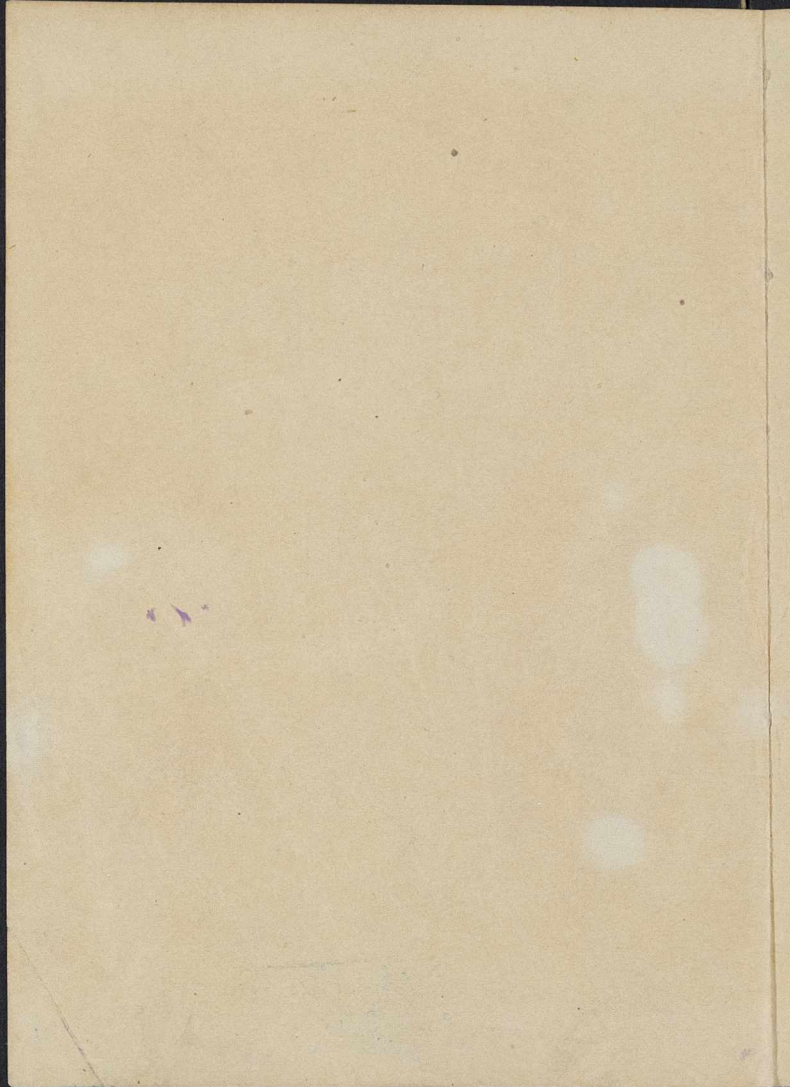
СТИХИ

1935

1003
20

1941 г.

КОНСТ. СЕДЫХ

1950

СТИХИ

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. *А* Шифр *С28*
Инвентар. № *12549*

2019

1950

ОГИЗ
1936

1955

Чит. Обл. Библиотека
Фонд
краеведения

24

ЛИКУЮЩИЙ
ДЕНЬ

49

ВЕТЕР

На желтом облачном рассвете
С Байкальских сопок туго бьет,
Налитый светлым дымом, ветер,
Качая тополь у ворот.

В нем блещут утренние дали,
Цветет безбрежная тайга,
И отражаются в Байкале
Вершин заоблачных снега.

Он свеж, как море на рассвете,
Как день ликующий широк.
Легко шагать в крылатый ветер
На распахнувшийся восток.

Со мною вечное желанье
Одно: пусть песня зацветет
Полна широкого дыханья,
Как ветер, веющий с высот

Пусть в ней моря бушуют зычно,
Горит граненый горный снег,
В мечтах, в дерзаньях безграничный
Творит и мыслит человек.

1934 г.

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Медлительно, как желтые тымэны,
Бредут над степью грузные века.
А сопки спят — лазурные морены
По краю золотого ледника.

Скажи мне, жизнь, чья молодость бурлила,
Сгорала ненависть и любя,
Кто спит в прибитых ливнями могилах,
Чьим голосом ты славилась себя?

Теперь в полях багряные елани,
На древних взгорьях гречневый пурпур.
А были дни — и в кожаном колчане
Здесь смерть носил воинственный даур.

Отсюда шли наездники Батия
Топить в крови Чернигов и Рязань.
И здесь в полоне девушки России
Выплакивали синие глаза.

В Нирване всё... Цветут, как травы, саги:
Стоит в степи ненайденный курган,
В котором спит в тяжелом саркофаге
Средь жен и золота могучий Чингиз-хан.

В суровом древле вымерли дауры.
Кочевий след у золотопленных рек
Сохою срыл пришелец белокурый,
Дымком жилья запахло на заре.

Тайга ушла от пахотных удобий,
Свернув знамена солнечной листвы,
Грозя ему в полночной темной злобе
Дремучим гулом, хохотом совы.

Потом у сопок каторжная гибель
Зубчатыми острогами легла.
Рвались сердца и мускулы на дыбе
Двуглавого российского орла.

Свиваются в сверкающие кольца
Над Зерентуем горным облака.
Здесь гибли в рудниках народовольцы,
Здесь жгла чахотка грудь большевика.

Довольно, жизнь. Я знаю остальное.
Веселый краснощекий карапуз,
Я собирал на дымном поле боя
Картечь и гильзы в дедовский картуз.

Был желтый день. Как венчики ургуя,
Цвели по сопкам выстрелов дымки.
На партизан в долину Зерентуя
Со всех сторон шли белые полки.

Но прорвались постанческие лавы,
Без выстрела, конями и клинком.
И зашумели ветры вечной славы
Про красный Забайкальский бурелом.

Сегодня степь в ином круговороте.
Молчит пальба. Но блещут лемеха.
Румяный день в текучей позолоте,
Кипит хлебов цветная колыхань.

Звенят зорьки в трепетных березах,
На гребнях туч цветет венок зари.
Росистыми тропинками в колхозах
В луга уходят с песней косари,

В крутой горе над темной Кадаею,
В которой Чернышевский угасал,
Растет рудник советского Цинкстроя,
Встают дома в сияющих лесах.

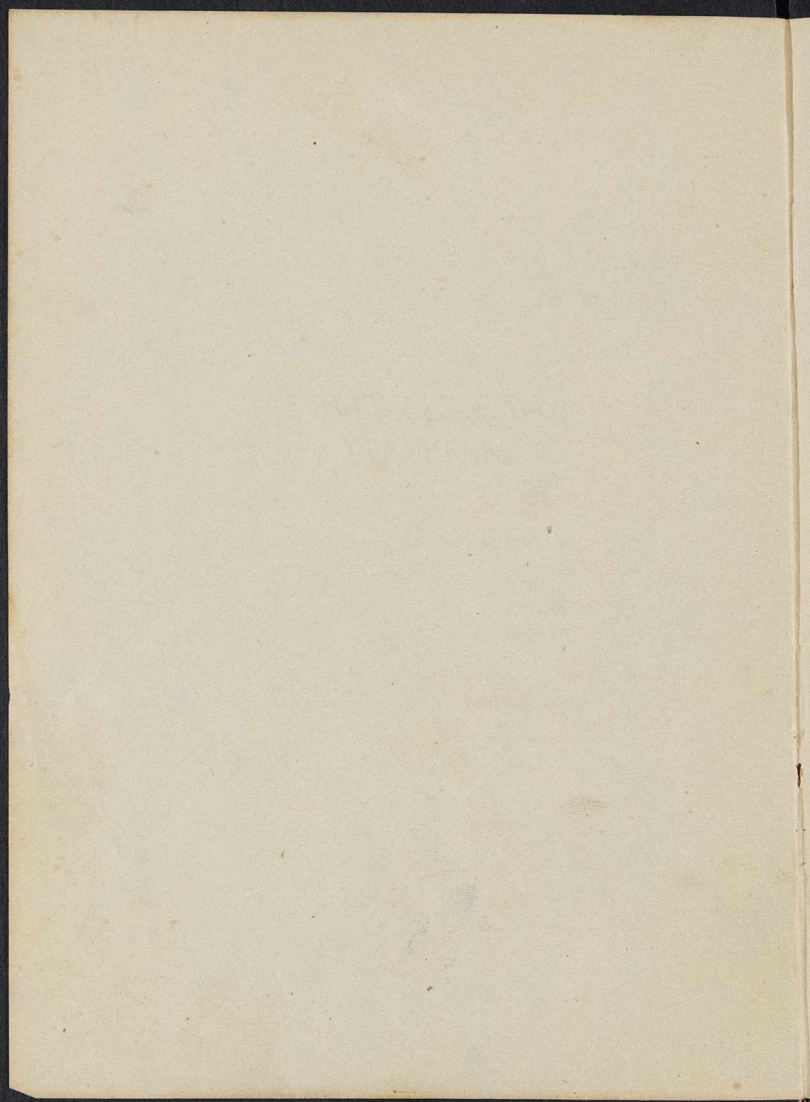
✓ Взгляни на юг: с мельчающих излучин
Лазурно пламенеющей реки,
Гурты к совхозам движутся, как тучи,
В седой метельник, в блеклые пески.

Прекрасный век железа и колхозов
Ворвался в степь грозным сквозняком
На тракторах, на мощных паровозах,
Ведомых напрямик большевиком.

Не засвистят шпицрутены и плети
Над светлой новью солнечных долин.
Социализма гулкие столетья
Горят над прахом каторжных руин.

1930 г.

НЕЗАБЫТЫЕ
МОГИЛЫ

ПРАДЕД

Мой прадед не был казаком.
Он вскормлен горьким молоком,
Объедками в людской княгини.
Щелчком раскалывал он дыни.
А грузным слитком кулака
На бойне сваливал быка.

Желтоволосый богатырь,
Он недобром ушел в Сибирь,
Махнув платком полям Рязани.
За девку с карими глазами
В глухую ночь впилась рука
В цыплячье горло барчука.

Над прорвой речек и болот
Косой крутился снеголет,
Слепая вьюга бушевала.
И от привала до привала
Вела дорога ровно год
В хребты на Нерчинский завод.

Там неприступно хмур и дик
Зарос крестовский становик
Колючкой, жалами крапивы.
Крепить листованные огнивы,
Как в преисподнюю увел
Пришельца шахты мокрый ствол.

Пород сползающих навес
Шатал и гнул крепежный лес,
Метался воздух воспаленный;
А в полночь прадеда в зловонной
Низине — койкой из досок,
Гнилым борщом встречал острог.

Земля, шпицрутены, цынга
Тушили жизнь. В ночах пурга
Над горным кладбищем шипела,
Где безымянная истлела
Без отпеванья, без гробов
Россия нищих и рабов.

Пятнадцать лет кромешной мглы
Звенели тупо кандалы,
Пугал внезапный гул обвала,
Под серой шапкой выцветало
Витое золото волос,
Но прадед выжил, перенес.

Он поселенец. У ручья
Он рубит лес для зимовья,
В квашне замешивает тесто.
Пока не сыщется невеста,
Сам носит воду, лопоть шьет,
В столбы городит огород.

О, заревая ласка жен!
Срезает бороду ножом
Мой прадед, как траву дурную,
Потом тунгуску молодую
На безвенчальное житье
За руку вводит в зимовье.

С берез багряный лист опал,
Когда без крестных и попа
Крестил он первенца в боченке.
Топырил красные ручки
И лихоматом голосил
Новокрещенный Михаил.

Топор загнал на кругики
С равнин густые листьяки,
В пади остался бурый колок,
А по заречью рос поселок,
И окружала городьба
Казачьи тучные хлеба.

Но редко сдобленный калач
Имел мой прадед. Неудач
Не разорвал он круг проклятый.
И ни сохою, ни лопатой
Не вырыл клада. Не помог
Ему глухой распятый бог.

А там пришел и день такой,
Когда угрюмый и худой
На лавке вытянулся прадед.
Вперед ногами по ограде,
По светлой улице, в гробу
Ушел он с венчиком на лбу.

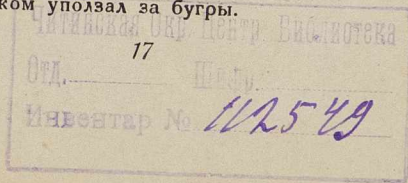
Теперь на кладбище пустом
Цветет рябиновым кустом
Седая вечность над могилой.
Подгнивший крест дождями смыло
И унесло в сырую падь
По свету белому гулять.

1933 г.

КОСТИ

В желтый полдень
Дремотного тихого лета,
В раскаленной степи,
Где тревожно шумела полынь,
Я внезапно ступил
На горючие кости скелета,
На которых чернели,
Свернувшись змеей, кандалы.

Кто-то шел через степь
К берегам каменистым Байкала,
С рудников из-под Нерчинска
Или с проклятой Кары,
Он шагал без дорог
По падям и бесплодным увалам,
От людей хоронясь,
Барсуком уползал за бугры.

Он не мог попросить
Благодатного черствого хлеба,
Ни ковши кипятку,
Ни совета — как лучше итти.
Выгорало над ним
Полосатое мглистое небо
И враждебно шипели
Река за рекой на пути.

Далеко обходил он
Курчавый дымок над поселком,
И лицо с каждым днем
Становилось черней и черней.
Кисловатую ягоду
Рвал по неведомым колкам,
Вырывал на полях
Сладковатую горечь корней.

Кто он был?
Пролетарий с разгромленной Пресни
Или крепкий, как троссы,
Веселый балтийский матрос?
Сколько жил он?
Какие любимые песни
И заветные думы
В немеркнувшей памяти нес?

Не дошел. Покачнулся.
С лицом запрокинутым кверху
Лег в седой полынок,
На горячее темя бугра.
Закружился над ним
Кривоклювый и крапчатый беркут,
И на глаз слюдяной
Опускалась, звеня, мошкара...

Ничего не расскажут
Истлевшие сизые кости,
Перевитые горько
Пернатой могильной травой.
Только ветер поет
На почетном и страшном погосте,
Задыхаясь, поет
Над бессмертной цветущей землей.

1934 г.

ЗЕРЕНТУЙСКИЙ ЦЕНТРАЛ

А. Ровинскому

Густые лагуны осоки
Под солнечным ветром кипят.
Несутся с курганов далеких
Ворчанье и клекот орлят.

Под зыбью гнилого тумана
Томится глухая страна.
Ведут от кургана к кургану
Размытых дорог письменна.

Они от Московии старой
Бегут на Иркутск и Нарым,
В таежную даль Кутомары,
В разрезы проклятой Кары.

Полынной дороги отпадок
Пропал у чугунных ворот,
Где кротко белеет ограда,
Где тяжкое солнце цветет.

Наполненный каторжной тишью,
Как ядом, массивный бокал,
Там поднял шатровую крышу
Во здравие смерти централ.

И падали камнями песни
В силках безысходной тоски.
В тюремную сизую плесень,
По штольням в руду и пески

Поскотина. Золото мака.
За траурной сходкой берез
Кольчугой из черного шлака
Сияет на солнце откос.

А выше, где медленно тропки
В гранитный ведут становик,
В кустарник на выжженной сопке
Прилег позабытый рудник..

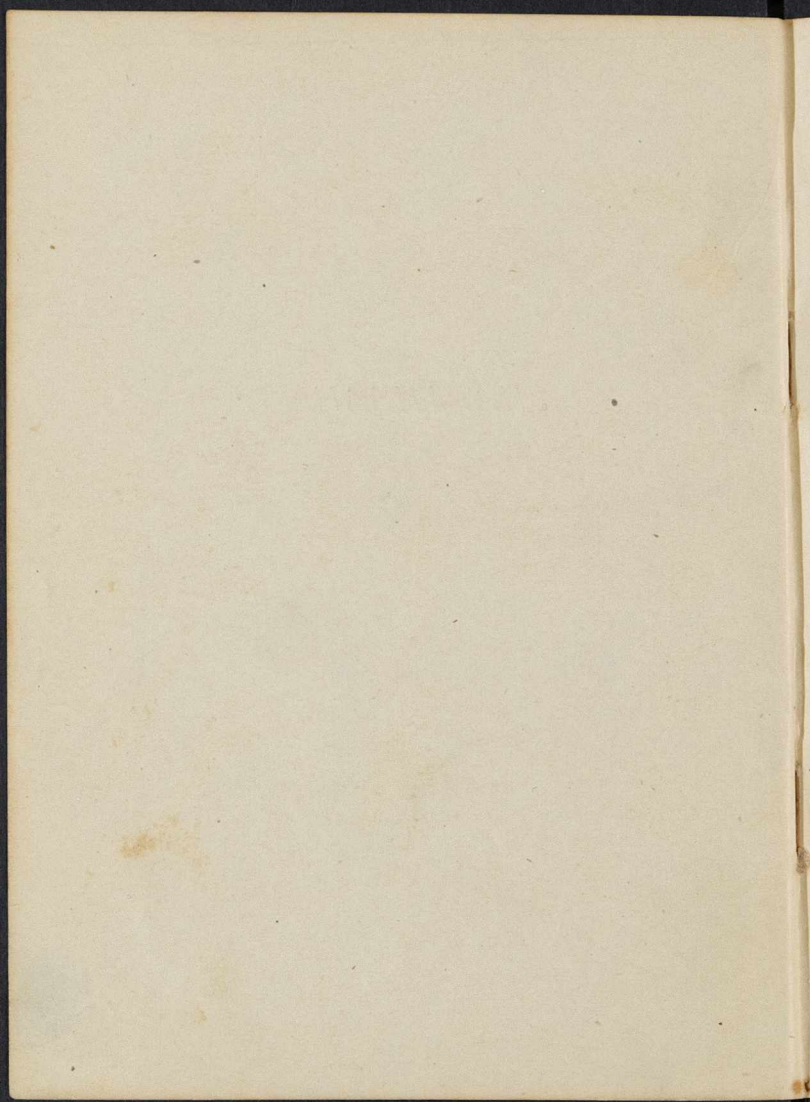
К нему по оврагам и скатам
В зной августа, в маревный март
Вели арестантов квадратом
В квадрате солдатских кокард.
Гудели в глубинах обвалы,
И рты разъедала цынга...
Кресты на могилах шатала
Рождественская пурга.

.

Сзывай, мое слово, на вече
Жильцов безымянных моил,
Чтоб голос тоски человеческой
До боли в сердца колотил.
Бей в било стиха огневое,
Чтоб песни сурсвой гудень
Учил ненавидеть бывшее,
Любить наш сегодняшний день

1927 г.

• ПАРТИЗАНЫ

СВАДЬБА

П. Петрову

За сосновый настил моста
Убегала шестая верста
И летела в лицо седьмая,
Полосатая и косая.

Часто вспугивая с бугров
Белокрылых даурских дроф,
В травы ржавые, в белотал
Поезд свадебный улетал.

В заливчатском колесном гаме,
Как взбесившиеся скворцы,
Тараторили под дугами
Раскаленные бубенцы.

В загорелых руках, ликуя,
В медь окованная гармонь
Присковую плясовую
Уносила в степную сонь.

Ленты, купанные в пыли,
В жестких гривах коней цвели.
И пьяным-то пьяны с утра
Пели рослые шафера.

А жених, чей чубарый чуб
Вился в кудерь, свисал до губ,—
В тарантасе дремал сычом,
Девку-ягоду жег плечом ..

За увалами полевыми,
За пологими, сквозь кусты,
Близко, близко поплыли в дыме
Церкви бронзовые кресты.

И отъявленные возницы
Гиком, выстрелами бичей
В утро праздничное станицы
Борзых бросили гривачей.

Над плетнями, как волчий глаз,
Не к добру зажелтел лампас:
Вахмистр с пенельной бородой
Поднял руку и гаркнул: „Стой!“

В гимнастерках зеленых хаки
Все матерые, что кряжи,
Дружно высыпали казаки,
Поезд свадебный окружив.

Сотник с шашкою в серебре,
С парабеллумом в кобуре,
Помянул по-казацки мать
И скомандовал: „Обыскать!“

Тут пьянехонькие с утра
Сразу вырезвели шафера,
Головою жених мотнул,
Гришке-шаферу подмигнул.

И роняя папаху в лентах,
Гришка пасмурный, парень — хват
Из-под старенького брезента
Вскинул на руку автомат.

А за Гришкой — темны, как черти,
Поезжане, с грозой в глазах,
Начиненные гулом смерти,
Бомбы стиснули в кулаках.

Даже крашенная невеста,
Девка рыжая, сущий бес,
Из неведомого места
Лихо выхватила обрез.

Закипела гульба на славу,
Завертелась жгутами пыль;
У волнистых плетней в канаву
Люди падали, как снопы.

Люди падали, словно в поле
Под литовкою белена.
Знать, досталась и им на долю
Чарка свадебного вина...

В окровавленной мчал рубахе
По станице переполох,
И раскачивались папахи,
Как под ветром чертополох.

Черной ласточкою влетела
Бомба в горницу кувырком —
Захрипел атаман дебелий
В луже пламенной под столом.

Он поднялся. Он мутным оком
Исподлобья глядел с тоской,
Как звенели в проломах окон
Тройки скачкою вихревой.

Рвали в стороны пристяжные.
И горланившие ура
Привиденьями плыли злые,
Бомбы сжавшие шафера.

А над гривами троек диких
В жизнь ликующую, в туман
Улетало на древке пики
Знамя верчинских партизан.

1935 г.

ПЕТЛЯ

Цветных церквей колокола
В степных станицах гулко пели.
Светло и тихо пасха шла
В моем двенадцатом апреле.

Но буйно в улицы станиц,
В покой обжорливый и пьяный,
В кровавых отсветах зарниц
Уже врывались партизаны.

Не скрыл забвения туман
Тот день на пасхе голубиной,
Когда был пойман партизан
В лесах кулацкою дружиной.

Его вели в поповский дом,
Где языки знамен желтели.
А над станицей реял звон,
Взлетали зыбкие качели.

Был пленный молод и упруг.
Казацкой шашкой не дорубан,
Он нес на шелковом ветру
Залитый кровью вереск чуба,

На страх станичной голытьбе,
Чтобы вовек не бунтовала,
Его повесить на избе
Велел старик в лампасах алых.

Рыдала скорбная жена,
Молилась старику, как богу.
А в небе лебедей весна
Вела в далекую дорогу.

Гудел малиновый трезвон,
И девушки цвели, как маки,
Когда на желобе резном
Петлю повесили казаки...

.

С тех пор меня бросает в дрожь
Пасхальный звон в родной станице,
И жуть прошедшего, как еж,
В груди тревожно шевелится.

1927 г.

ШАХТЕР

Разбитые в схватке на перевале,
Мы отступали и отступали.

За нами, конем и усами гордясь,
Вел белых уланов калмыцкий князь.

Мы отдали с боем четыре села.
Под пятым упал командир с седла.

По тракту в галоп отходил эскадрон —
На сотню винтовок один патрон.

А враг наседал. С горы из осин
Нашупывал нас торопливо „максим“.

Мы влево метнулись — скала на пути,
Мы вправо, а там через топь не пройти.

И крикнул угрюмый байкальский рыбак:
— Братишки! А дело выходит — табак!

Загнали нас к дьяволу на рога,
Давайте — что будет — сдаваться врагам.

И только один черемховский шахтер
Сказал:
— Сдаваться врагу позор!

Лучше взойти вон на тот крутик
И сердце порвать о собственный штык.

Но кони, хоть в мыле, а скачут еще.
Пробиться обратно — прямой расчет,

Чтоб десять врагов в капусту иссечь
За каждую голову с наших плеч.

Он вырвал из ножен драгунский палаш,
Скомандовал глухо:
— За мною, марш... марш...

.

Вертлявым хорунжим убит в упор
В бесстрашной атаке седой шахтер.

Но мы дорвались, прогудев, как буран,
До смуглого князя, до стройных улан.

И князь потерял башку и клинок
В разливе цветущих высоких осок.

Назавтра в тайге, в бивуачный рассвет
Песню сложил о шахтере поэт.

Зовет эта песня—литая картечь—
За дело трудящихся жизнь не беречь.

1929 г.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты в душном дыму
Неуютной пивной
Над кружкой
Бунтующей влаги,
На камень-кулак
Опираясь щекой,
Забылся,
Товарищ Кулагин.

Рычит на эстраде
Усталый баян,
Стучится о ставень
Береза.
Мгновенье...
И тяжело от сабельных ран,
И пиво шипит,
Как шимоза.

Стервятники — грифы
Над степью кружат,
Гвалтуют
Тяжелые пушки.
Прощается с любушкой
Русый солдат
Под низким окошком
Избушки.

По камням каленым,
По глине дорог
Карьер кавалерии
Гулок.
На ясные воды,
На тихий дымок
Обугленным ветром
Подуло.

В метельнике снятом
У мутной реки
Чубатые
Свищут казаки.
И рвут партизаны
Из ножен клинки
И трубы пропели:
„К атаке...“

В пески улетели
Ура и галоп
Могучим
Нагорным обвалом,
И густо
Семеновцев полегло
По сизым
Соленым увалам.

Плясал под тобою
Гнедой жеребец,
Весь в хлопьях
Горячего мыла.
И солнце
Запекшейся крови багрец
На холке его
Золотило...

С Макаром Якимовым
Брал ты Дацан,
Ходил с Журавлевым
На Сретенск,
Под горной Богдателью
Родного отца
В снегах схоронил
На рассвете.

Но сроду не видел
Тебя эскадрон
Таким вот
И смуглым и пьяным.
Скажи без утайки,
Товарищ Платон:
Что сделалось
С партизаном?

Семейная драма,
Коварство друзей,
Иль промах,
Немыслимый в деле,
Что властно велело:
Забудься и пей,
Пей так,
Чтоб глаза соловели?

„Иное, иное,
Братишка, со мной.
По сердцу мне
Гром созидательных буден,
Я чаще целуюсь,
Чем ссорюсь с женой,
Друзья мои —
Честные люди.

Я жизнь мою отдал
На светлой земле
Шагающим трудно,
Но верно,
Чьей стройки размах
Несравнимо смелей
Прекрасных фантазий
Жюль — Верна...

Но знаешь ли ты,
Что под левым соском,
Не зная минуты
Покая,
Трепещет живым
И кровавым комком
У каждого
Сердце его ретивое.

Так вот... Это сердце...
Врачи говорят...
Устало...
Ни к черту работа,
По чистой
Районный военкомат
Снял меня, брат,
С боевого учета.

Выходит, на быстром,
Как беркут, коне
Платон не поскачет
В дожди и метели;
Выходит,
Раз сердце больное,
То мне
Нельзя подыматься
С постели.

Неправда!..
Чуть буря,
Я снова бойцом
Пойду через степь
В головном эскадроне...
Замолк. Прослезился
И спрятал лицо
В печальную чашу
Ладоней.

1929 г.

БОЙ

Ветер с полудня долу гнет ковыль,
В пестрых россыпях — ястребиный клик,
А за балкою — обвивает пыль
Частокол косою вороненых пик.

Там метет пески казачий взвод,
Вихревых коней звучен легкий шаг,
А у всадников — рыжий мох бород,
Серьги бронзовые в ушах.

Они гонят в степь пятерых друзей,
Молодых ребят у колес телег,
В душном мареве, в тишине полей
С острой шашкою повенчать навек.

У зубчатых гор за Удой-рекой,
За кедровником, за калинами
Партизанский полк принял тяжкий бой
С атаманцами и румынами.

Окружили там эскадрон враги.
Атаман-усач на расправу лют:
Кто не поднял рук—у реки погиб,
Кто поднял—того на расстрел ведут.

В золотарнике у песчаных гряд
Плачет вихрь степной над ребятами,
А у них в руках—пять кривых лопат,
И звенит песок под лопатами.

Весельчак шахтер—белокурый чуб,
Гармонист, плясун и душа полка
Распрявился вдруг, как могучий дуб,
Глазом пасмурным повел слегка.

И увидел он: не уйти от пик,
От свинцовых ос, от лихих людей...
Отходил свое в голубой степи
Молодой шахтер с черновских копей!

Так и этак смерть. Но чего-ж он ждет?
Чем могилу рыть — лучше страшный бой,
И лопатою он наотмашь бьет
И урядник-хват сразу с ног долой.

За шахтером вслед — напролом друзья,
По-рабочему крушат ворогов...
Юность гордую, что росла в боях,
Они продали белым дорого...

Во глухой степи — зной да синь-туман,
Да ушла трава в огневой закат.
А за балкою — в ковыле курган,
А в кургане том герои спят.

1932 г.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Утром рано Витька Жданов
На ключе коня поил.
Возвращался, повстречался
С той, которую любил.

С той, чьи волосы светлее,
Чем кленовый жаркий лист,
У кого на смуглой шее
Рдели ягоды монист.

Алой кофточкой сверкнула,
Прошептала: „Приходи“,
Рассмеялась, повернула...
Крикнул Витька: „Погоди!“

У подсолнухов тенистых,
Возле низкого плетня,
Витька девушку в мнистах
Целовал с коня.

Где волнистый палисадник
Школы солнцем освещен,
Встретил Витьку пыльный всадник,
Прохрипел: „Тревога! В Чон!“

Задышали бурно кони,
Зазвенели удила.
Пыль над гривами погони
Выше леса поплыла.

Ельник. Речка. Кочки. Скалы.
Безграничные леса.
Каменные перевалы
Уводили в небеса.

Из ущелья — белой ваты
Покатился громкий ком.
Началось. Грозы раскаты
Колыхались над хребтом.

Там в жемчужную ромашку,
В бледный стрельчатый пырей
Чью-то черную фуражку
С черных бросило кудрей.

Над станицей месяц светит.
Ждет зазноба под окном.
А дождет ли—в лазарете
Скажут доктора о том.

1934 г.

*ВСТРЕЧА ПАРТИЗАНА ГРИГОРИЯ БУТИНА
С ЭСАУЛОМ МУНГАЛОВЫМ*

Человек неяркий—
Вылиняли краски!
Осторожный. Мрачный.
Сквозь стекло очков
Смотрят зло и жарко
Искристые глазки,
На бортах пиджачных
Выставка значков.

Он сидит в конторе
За столом сосновым,
В мире цифр и сводок—
Нужный человек.

Посмотри, Григорий,
Пристально, сурово.
Видишь: подбородок
Синий шрам рассек.

...Честь тебе и слава,
Наша злая память!
Сердце закипело,
С губ сорвался стон:
— Эсаулом бравым
Перед казаками
Третьего отдела
Гарцевал не он?..

— Где ж твои погоны
С золотым просветом,
Чуб из-под фуражки,
Шик шевровых лей?
Где клинок, даренный
Унгерном отпетым,
Дикие замашки
Невозвратных дней.

Вспомни Луговую!
Кто мужичьи спины
Столбовой нагайкой
Беспощадно сек?

В полночь ветровую
Кто людей безвинных..
Ах, не ты?.. Чего же
Побелел, как снег?

Пленных добывая,
Ты стрелял не целясь.
Просвистела пуля
Над виском моим.
Кровью истекая,
Стынув от мятели,
В волчьем вьюжном гуле
Выполз я к своим.

И тебя, как видно,
Гибель не задела,
Не пробила длинная
Пика грудь насквозь..
Что ж, одно обидно —
Долго тебе, белый,
Кровному, родимому
Гадить довелось.

Долго за грессбухом
На спокойном стуле
Ваше благородье
Гробило совхоз,

Чтобы прахом-пухом
Лучше, чем от пули
При любой погоде
Падал меринос.

За тобой запишем
Сломанные крыши
У кошар, в которые
Дует и течет.
За поджег зародов,
За падеж приплода
Мы предъявим полностью
Наш свинцовый счет...

Эсаул Мунгалов
Усмехнулся криво:
— Что же, песня спета...
И прищурил глаз.

.

За стевой крапивы
В тихий час рассвета
Зло прогрехотала
Утренняя мгла.

1933 г.

МОИ ГОСТЬ

В дубленом тулупе,
В папахе седой
Сегодня на ветренном
Ржавом закате
Зашел ко мне в гости
С Аргуни родной,
Приехавший в город,
Приятель.

Он в душные стены
С собою принес
Зеленые зори,
Палящий мороз;
Ковыльное солнце
И шолох ключей,
Огни легендарных
Мятельных ночей.

У гостя нежданного
Волос витой
Засеян
Свинцовою сединою.
Так мерзлый шиповник
На сопке крутой
Заносит
Рыдающею пургою.

Я знаю откуда
Приходит она,
Печальная,
Ранняя седина,
Откуда у прочных,
Как кедры, ребят
Железные лица
Морщины рябят.

...Он много видал
На земле окаянной
Горючих песков
И крутящихся вод.
Он конными тучами
Шел к Оловянной,
Рубил юнкеров
У даурских высот.

В тифозной горячке,
В пылающей мгле
Он честно шатался
В проклятом седле,
Когда отступал
Их лесной лазарет
Хребтами, трущобами
В мутный рассвет...

Он помнит тридцатый.
В избе сельсовета
Толпились казаки
До серого света.
Протягивал руку
К соседу сосед
И шел в круговую
С махоркой кiset.

А там за хрустальным
Узором стекла
По улицам ночь
Беспробудно текла.
Там волки метались
У мглистых дорог,
Точил раскулаченный
Гибкий клинок.

И гость мой срывался
С разбитого стула
С брусничным румянцем
На каменных скулах,
Ругался до хрипа
И спорил до слез
Он, сердце и руки
Отдавший в колхоз.

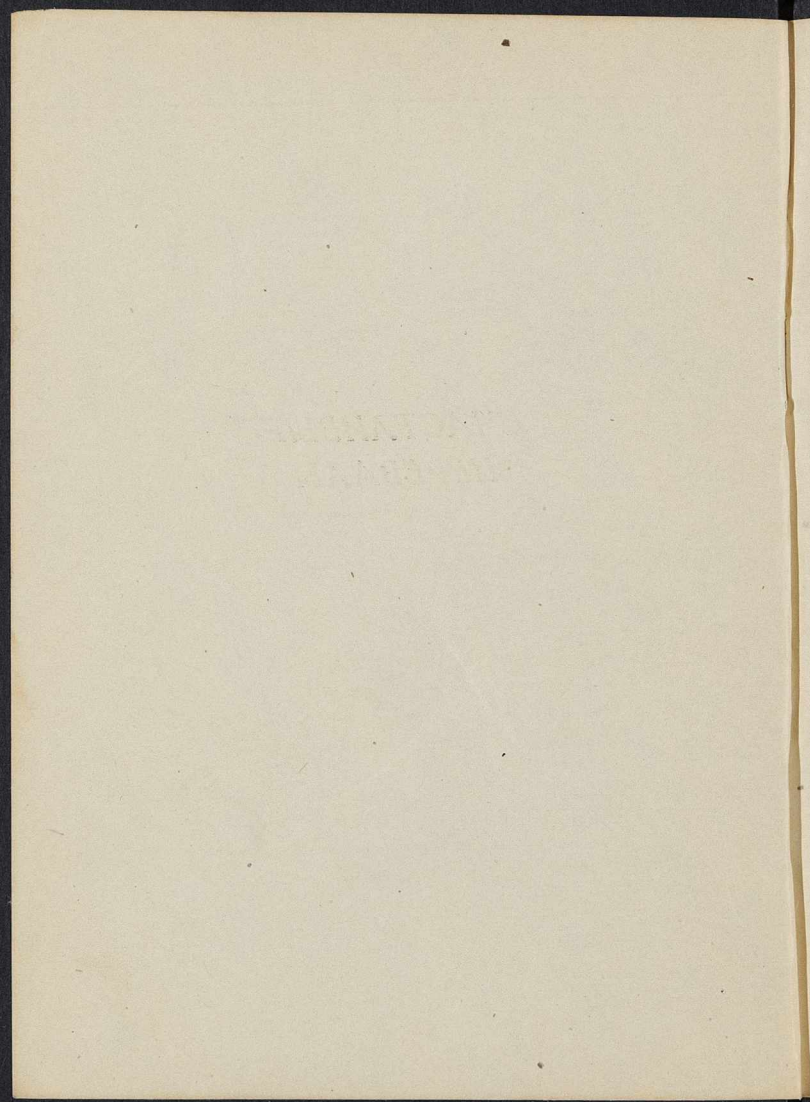
Чтоб в джунглях колосьев
Шумели о счастье
Гобийске ветры,
Медвянка — оса,
Он триер крутил,
И в потоках ненастья
У зреющих пашен
Стоял на часах.

Его караулила
Хищная шашка
И гвозди зубренные
В дуле литом.
А он, набекрень
Заломивши фуражку,
Работал и пел
И смеялся притом...

Сегодня в руке моей
Узкий стакан
Кипит молодой
Виноградною кровью.
Мой тост:
За седины твои, партизан,
За всходы твои
И здоровье!

1935 г.

СЧАСТЛИВЫЕ
ПЕРЕВАЛЫ

ТРОПИНКИ

Эх, тропинки! Тропиночки пыльные,
Разбежались вы степью родной
В озаренные волны ковыльные,
В даль, повитую палевой мглой.

За кудрявой овсяною кромкою
Энойно искрится щебень бугров.
Там когда-то с кнутом и котомкою
Проходил я за стадом коров.

Был я молод и в полудни синие
Отдыхал под косым шалашом,
Умывался росой да инеем,
Утирался речным ветерком.

Только вздумал тропою узорною
Я уйти с той угрюмой земли,
И другой мое стадо покорное,
Чуть забрезжило, гнал в ковыли.

Отгремели те дни торопливые,
Как в осеннем лесу соловьи.
Но ясны в перевалы счастливые
Звонкой юности тропы мои.

1926 г.

ДЕТСТВО

Недоброе,
Тоскующее детство, —
Слепых поверий
Черные огни —
Они достались
Тягостным наследством
От полудикой
Спившейся родни.

Сожми сухими
Зябкими руками,
Негреющими
Желтые виски,
И прилетят
Сквозь дерево и камень
Обрывки снов,
Желаний лепестки.

Пригонит их,
Рассеянных по миру,
Бессонный ветер
Памяти твоей
В твою
Полуподвальную квартиру,
Как прах
Недолговечных сыновей.

И замерцает
В сумраке багровом
Над сопкою кладбищенской
Звезда,
И будет говорить
С болиголовом
За банею
Дурная лебеда.

И станут по-звериному
Друг друга
Обнюхивать
Деревья и столбы,
И к месяцу,
Очерченному кругом,
На прятке шмыгнет
Ведьма* из трубы.

В дремучем захоlustье
Крутогорья,
От города
За тридевять земель,
Над нашею
Ребяческою хворью
Шамавила
Шипучая метель.

Да лысые
И ржавые старухи
Сквозь пепельные прутья
Голика
Простуды,
Головницы и желтухи
Опрыскивали мрачно
С уголька.

Что знали мы,
Чахоточные дети,
В чумном чаду
Такого бытия,
Когда нам лучшим
Лакомством на свете
Казалась
Поминальная кутя.

Мы выжили...
А сколько непростимой
Расплатой
За невежество отцов
Гниет,
Едва увидевших крестины,
Под горькими гнилушками
Крестов.

А сколько солнцеглазых
И пытливых
Пошло стезей
Кретинов и калек,
Чья жизнь петляла
Сумрачно и криво
По серой
И неласковой земле.

За это мало
Ненависти жгучей
К тупой
И беспощадной старине,
Юродствующей,
Бьющейся в падучей,
По брови
Утопающей в вине.

Здесь нужно
С откровенностью суровой
Размахиваться,
Бить наверняка.
Пусть подтверждает
Приговора слово
Кровавая,
Но честная рука.

Чтоб волчий быт
Пятою изувера
Не растоптал
Прекрасные ростки,
Души его
Косынкой пионера,
Бери
В красноармейские штыки!

Верши над ним
Нелегкую расплату,
Через костры
Прошедший человек,
Чтоб твоему
Первенцу проклятый,
Он соколиных крыльев
Не подсек.

Пусть первенец,
Как ландыш расцветая,
Глядит глазами чистыми
На свет.
И это будет
Самая большая
Из лучших
Человеческих побед.

1934 г.

МОЛОДОСТЬ

Вечно он лучится пред глазами —
Светлый ветер юношеских лет.
Золотой зарницей вмыта в память
Молодость на голубой земле.

Там сверлили с твердостью бурава
Недра сокровенные наук,
Там, на мир имеющие право,
На троих имели пару брюк.

Воплощеньем дерзости и бунта
Шли мы в даль сияющих дорог.
Ели в сутки черного полфунта,
Пили горький ржавый кипяток

Словно в дни Конвента и Марата,
Цвел наш день вместительней годов.
Каждый был философ и оратор,
Был к горению вечному готов.

Красочно и сочно, как плакаты,
Звали нас к веселому труду
Городские пыльные закаты,
Бледные акации в саду.

И сдавались дерзкому плебею
Вольта, Дарвин, мудрый Пифагор...
А потом мы славные трофеи
Унесли в завьюженный простор.

Если крикнуть в рупор басом зычным,
Землю пролетающим насквозь,
Сколько бы братишек закадычных
На знакомый голос собралось!

Знаю твердо: не было бы многих
В этом чуть пригнувшемся ряду.
Многих беспокойные дороги
Больше никуда не поведут.

Было все. И ранние недуги
И ружья кулацкого ожог...
Не один расшатывают вьюги
По кладбищам траурный флажок.

Пусть прошли мы путь неповторимый,
Путь нелегкий в боевой пыли,
Все равно она неистребима
Солнечная молодость земли.

1932 г.

БОТАНИК

За черным забралом чугунных ворот
Сверкающий хаос поникнувшей флоры.
Здесь вряд с чемерицею пальма растет,
Стыдится мимоза, цветут помидоры.

В оранжереях дремучий покой,
Удушье сухого стеклянного неба.
И в раз задевает ботаник рукой
Чайное дерево с колосом хлеба.

Солончаковый курган головы
И редких волос индевеющий ягель
Проносит ботаник шуршаньем травы
На слабых ногах, забинтованных в краги.

Он пухлый, как лотос, растущий в воде
Заплесневелой садовой лагуны.
Такой беспорядок в его бороде,
Как будто в ней год рокотали буруны.

Невольно буравит сомнение мозг,
Когда лекционная глушит рулада:
Ответит ли этот старик на вопрос, —
Какие века за решетками сада?

Он ждет не дождется, чтоб ночь озарив,
Единственный раз на исходе столетья,
Цвела перед смертью до первой зари
Агава сахарская жарким соцветьем.

Сегодня ботанику семьдесят лет.
Агаве полсотни исполнится завтра.
И вряд ли увидит ботаник расцвет,
Который, наверное, — выдумка кафров.

Оставь зацветающий солнечно сад,
Индийские джунгли, кустарник Памира —
И сразу ударит в лицо Ленинград
Стремительным ветром огромного мира.

И глядя на облако в фольге зари,
Над городом Ленина гулким и сивим,
Тепло улыбнешься тому, что старик
Поверил в прекрасную сказку пустыни.

1928 г.

МЕЧТА

На лыжах в даль равнинную,
В сугробы, в темноту
С двухстволкою старинною
Я выйду на свету.

Обнюхав мои валенки,
Паленый хвост задрал,
Вперед меня с завалинки
Метнется волкодав.

За озером, из голого,
Кривого ивняка
Пушистого, тяжелого
Вспугну я русака.

В распадке обомшелые
Краснеют дерева.
Там снег, как обалделые,
Взорвут тетерева.

В одно мгновенье меткую
Двухстволку подниму,
И птица вместе с веткою
Слетит с ольхи в дыму.

А дальше мыс и бурая
Полыни полоса.
В ней шелковистой шкурою,
Как меч, сверкнет лиса.

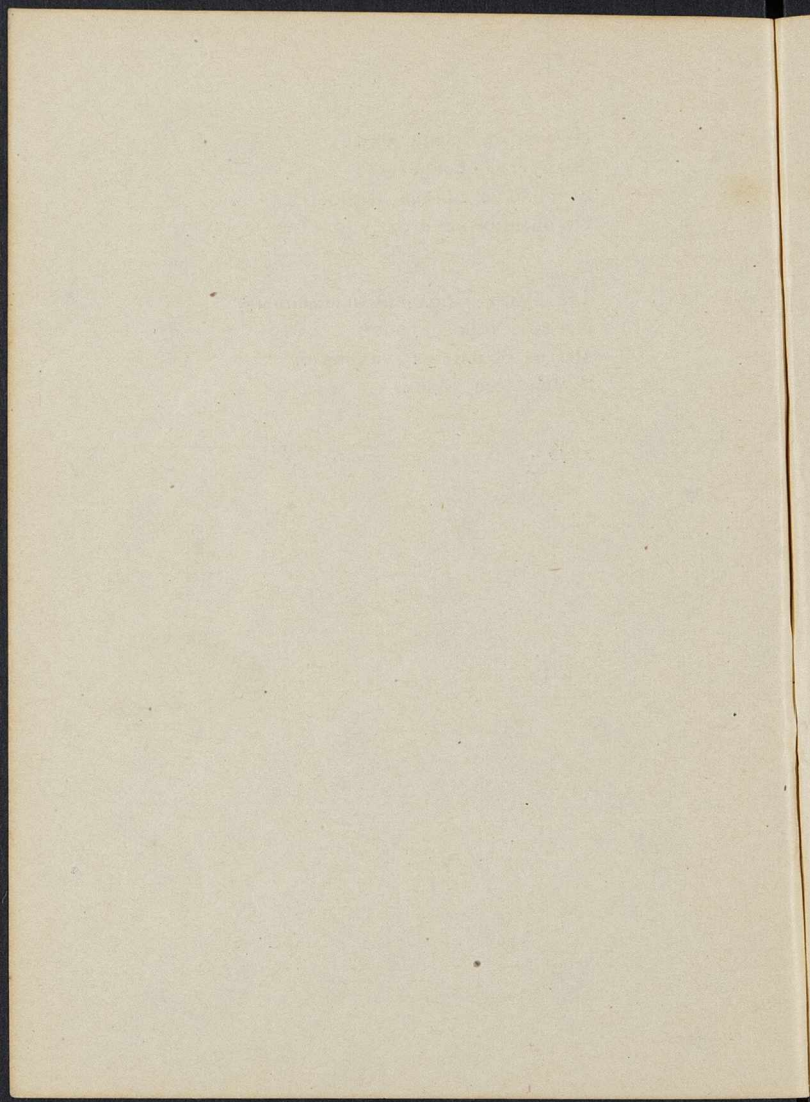
Ворвется в утро вьюжное
Дымка молочный клоч,
И лисанька жемчужная
Кольцом замрет у ног.

Безумно обожающий
Глаза твои, твой смех,
Отдам тебе сияющий,
Огнем подбитый мех.

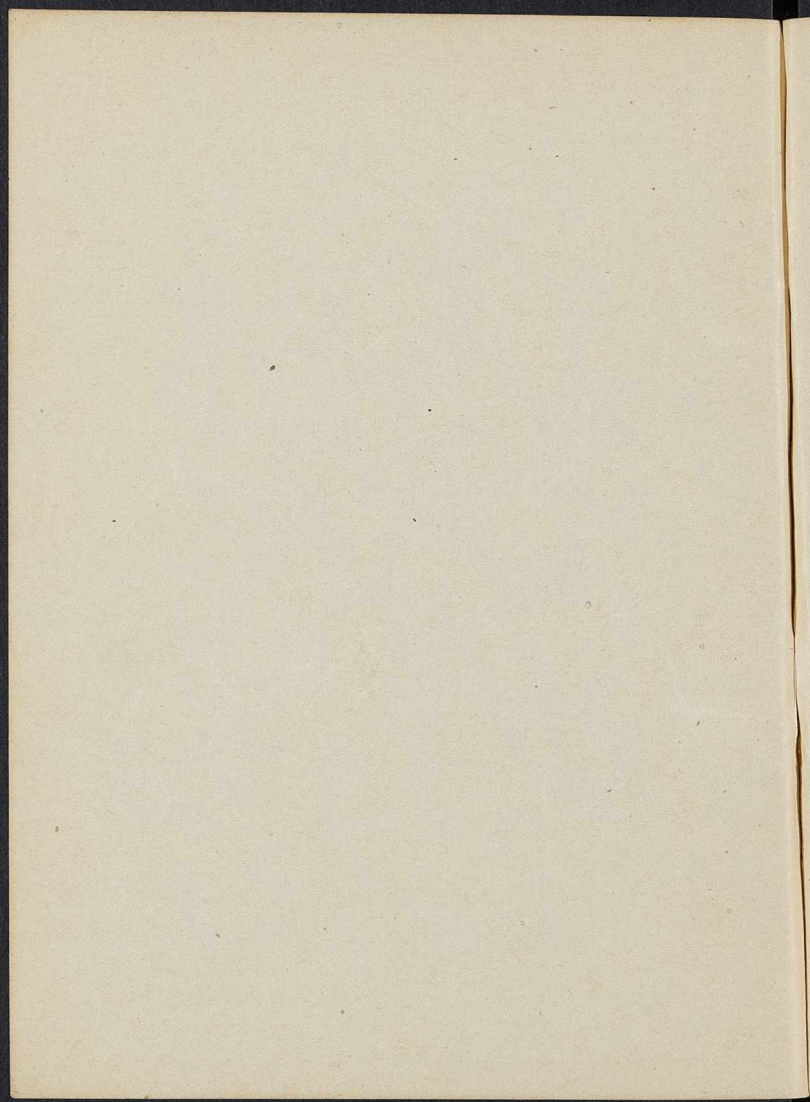
Пуškai он плечи юные
Волнуясь, обовьет
В тепло, в сиянье лунное —
От зимних непогод..

Так будет в полдень пламенный,
Когда с тобой вдвоем
Мы из больницы каменной
В мои леса уйдем.

1935 г.

АРГУНЬ

СТЕРВЯТНИК

(Отрывок из поэмы „Каторга“)

Дом срублен из желтой
Мореной сосны
Рыжими плотниками
С Тобола.
В стрельчатых окнах
Отражены —
Вьющийся хмель
И зубы частокола.

По ставням филенчатым,
Наискосок
Бродяги-маляра
Счастливою кистью

Расписаны —
Крупный
Крылатый цветок,
В огненных крапинах
Крестяки листьев.

Шатровая крыша.
На узком князьке
Петух жестяной
С фиолетовым гребнем.
В садике —
Яблоня в белом платке,
Дорожки,
Шуршащие
Щебнем.
В доме цветут,
Как лужайки, полы,
Плотно покрытые
Половиками.
Ломятся
Горничные столы
Под рыбой,
Печеньем,
Окороками.

В пузатых графинах
Китайский коньяк,
Сладкие
Ягодные наливки,
Опенивают
Золотые края
Тарелок фарфоровых
Снежные сливки.

У зеркала в горнице
Сам атаман
Мамонт Георгиевич
Зарницын,
Усатый, как сом,
Пожилой великан
Гроза,
Володетель станицы.

Сутулый и тяжкий
Стервятник седой, —
Чуб в поларшина,
Рысиные баки.
В станице с ним
Старый и молодой
В пояс
Раскланиваются казаки

В гужирных равнинах
Чужой страны,
От речек Баргинских
До Косогола,
Пасут его
Тысячные табуны
зоркие
Бронзовые монголы.

Чтоб табунам этим
Выстроить двор,
Сена поставить не на год,
А на день —
Вырубить надо
Огромный бор,
Выкосить до чиста
Целые пади.

На сопках заречных,
Где в желтом дыму
Видны
Богдыханов старинные копи,
На тайных плантациях
Сеют ему
Манчжуры косатые
Опий.

Качают горбы
За верблюдом верблюды
В зарослях
Рододендронов лиловых.
Это его батраки
Везут
Для тюрем
Поленницы дров сосновых.

С кустами разлапистых
Горьких рябин
У окон с решетками,
В центре станицы,
Как в латах,
Весь в вывесках магазин:
„Калашников и Зарницын“.

Есть в магазине
Соль с табаком,
Красный товар
И красные рыбы.
И оседает
Дряблым жирком
Под шелковым
Вышитым кушаком
На брюхе Зарницына
Прибыль.

Он в дело пускал
Улыбку и нож,
Чтоб знаменитостью
Стать в округе,
По Приаргунью всему
Не найдешь
Такого
Отъявленного хапуги...

Он в жизни своей
Не плошал и нашел
Берег пирожный,
Молочные реки,
И хищно сверкает
Двуглавый орел
На атаманской
Его наске.*

АРГУНЬ

I

Через выжженную Баргу,
Сонным лесом из лога в дог,
Многоводно летит Аргунь
Синей молнией на восток.

Над ресницами тростника,
У зеленых протоков реки
Выстрел вскидывает в облака
Уток шумные косяки.

На весенние берега
Икрометная ночь придет,
И без промаха острога
Золотого сазана бьет.

Черногривые жеребцы —
Первозданная красота! —
Скачут в дымные остреды,
В зацветающий краснотал.

Низко розовая полынь
Полегла от овечьих стад.
Подымают в когтях орлы
В синь каракулевых ягнят.

Оплетенная в тальники,
Спит станица, кричит сова.
Пьют станичные кулаки
Араку и густой сливан...

Степь в жару. Комары. Паут.
Неустанный литовок звяк.
Малярийную воду пьют
Батраки из гнилых баклаг.

Горсть обугленных сухарей,
Кизяком прокопченный чай.
Но по отчеству богачей
С благодарностью величай.

За копейки, в степях глухих
Заработанные тобой,
Если громко попросишь их,
Учинят тебе мёрдобой.

Два прыжка — и чужой цепник
Черным ветром ударит в грудь,
И заржавленный дробовик
Вскинут в сердце твое пальнуть.

Жаркий, девственный чернозем,
Желтый донник да ковыли.
Ни в какие века на нем
Кущи райские не цвели.

II

Вдоль Аргуни эсаулы
Расставляли караулы.
Караулы окружал
Серый каменный завал.

Над завалами трещали
Самопалы и пищали,
Чтобы знал степной народ
Силу царских воевод.

За башку с казацких плеч
Пушка била на картечь,
А за десять — целый край
Грабь, руби и выжигай..

Кулаками эсаулы
Казакам въезжают в скулы
За нечищенный сапог,
За неточеный клинок...

В синей Волге плавал струг,
Бил Ермак царевых слуг.
Перекладин для купцов
Не жалел Иван Кольцо.

У потомков Ермака
Только имя казака,
Только песни о былом,
Только чуб над картузом.

Нет суровых бунтарей,
Есть опричники царей...
Скачет зычно в степь казак,
Чтоб везли царю ясак.

У кочевника жена,
Как трава-ковыль, стройна,
Косы душные черны,
Щеки цвета сараны.

Полетит из рыжих рук
Под разбойный свист икрык —
И заплаканный номад
Не вернет жену назад.

Разорвет легко стрела
Сердца волка и орла,
Но бессилен звонкий лук
Против кованных кольчуг.

Не заростит мясом бог
Пули дымчатый ожог,
Неба грозная рука
Смерть не кинет в казака.

И навек от произвола
Унесет скакун монгола
Через тридцать черных гор,
За Аргунь и Далайнор.

За пороги диких рек,
Где сияет вечный снег,
В недоступные леса
Страх угонит тунгуса.

Полонянке же степной
Быть казацкою женой,
От кручины горько выть,
Нелюбимого любить.

А в степи железный плуг
Пашню вымечит на круг,
Встанет грозен и высок
В сопках нерчинских острог.

Запоеет горлан-петух,
Задудит в рожок пастух,
И работника наймет
Караульский живоглот.

III

В пограничном степном краю
Чернозема и тучных стад
Тяжело утверждал сью
Диктатуру пролетариат.

Как пузатая саранча,
Темной ненавистью пьяна
Подымалась не раз в ночах
Бородатая старина.

Били призовые стрелки
Из болотного тальника
В краснозвездные шишаки
Хладнокровно, наверняка.

Забивали попавшим в плен
Гильзы стрелянные в живот.
Прибивали штыком к земле
Отзучавший навеки рот.

...Если время весне прийти,
Небо свежее распахнуть,
Разве можно ее пути
На попятные повернуть?

.

У станиц вековая голь
Дорогую готовит речь
Красной армии. Хлеб да соль
Людным скопом несет навстречь.

IV

На заре ветерок качнет
Залоченый платок ольхи,
И погонят колхозный скот
В степь туманную пастухи.

Черногривые жеребцы,
Не ходившие в хомуте,
Сошниками секут кипцы
На невиданной пахоте.

Гибнет древняя целина,
Чтоб пшеницами бушевать,
Чтоб каленым дождем зерна
Тропы к прошлому размывать.

Нет! О каторге старины
Не скривит мои губы вой,
Вижу: вечные горюны
Ходят с поднятой головой.

Слышу: девушки у реки,
Заплетая венки, поют...
В ссылке учатся пауки
Муравьиному бытию.

Усачей атаманов нет.
Завалило, перемело
Их последний гадючий след
Вьюги белое помело.

Не вернутся они назад.
Но не даром за городьбой
У колхозных скирдов, у стад
Чутко бодрствует часовой.

Значит, слушая майский гром,
Колыхающий облака,
Приготовься встречать ружьем
Кровожадного паука.

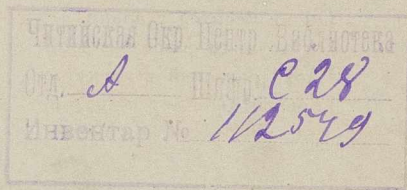
Он не бесится с арами,
Он по виду совсем святой,
Плохо ряженный в лоскутки
Горькой хвастает нищетой.

Чтоб он красных косматых птиц
Не пустил на колхозный ток,
Встань на черном его пути,
Выбей спичечный коробок.

Через выжженную Баргу,
 Жемчугами кропя песок,
 Будет вечно лететь Аргунь
 Степью красною на восток.

Будет медленный вал воды
 Отражать у родных станиц
 Зацветающие сады,
 Стрелы зреющие пшениц.

1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ликующий день

Ветер	5
Забайкалье	7

Незабытые могилы

Прадед	13
Кости	17
Зерентуйский централ	20

Партизаны

Свадьба	25
Петля	30
Шахтер	33
Ночной разговор	36
Бой	42
Комсомольская песня	45
Встреча партизана Григория Бутина с еса- улом Мунгаловым	48
Мой гость	52

Счастливые перевалы

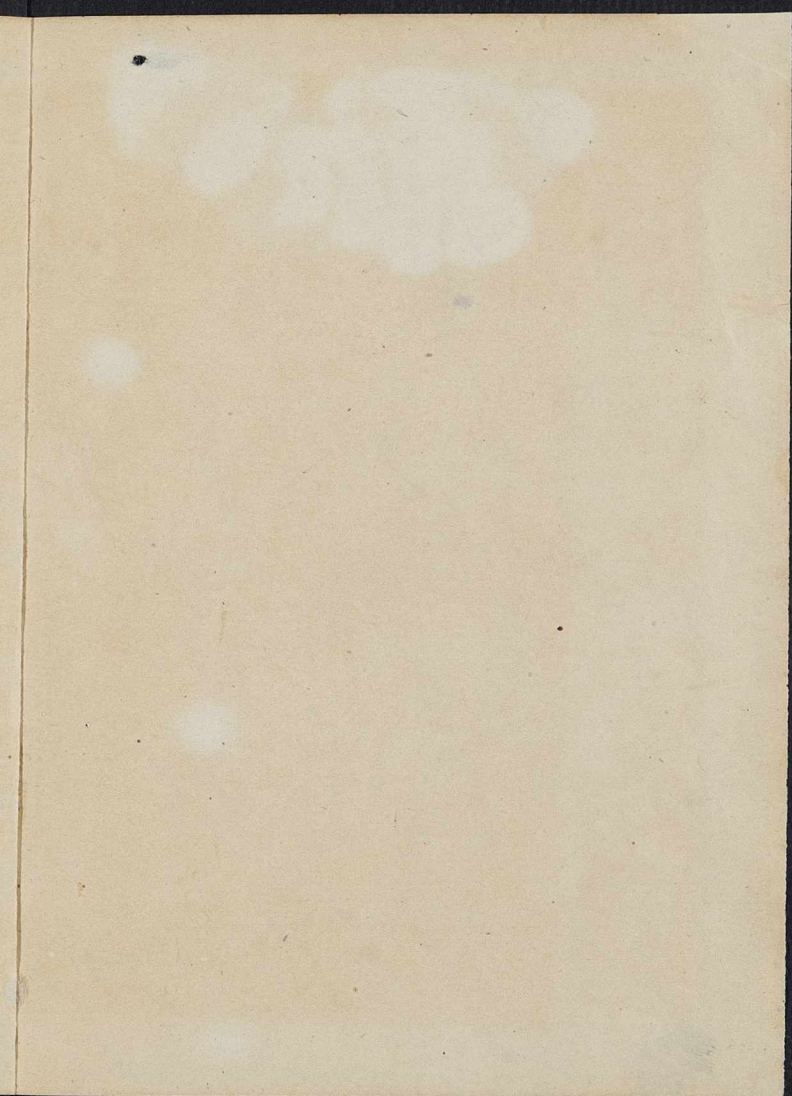
Тропинки	59
Детство	61
Молодость	67
Ботаник	70
Мечта	73
Стервятник (отрывок из поэмы «Каторга»)	79
Аргунь	85

Отв. редактор Г. Ф. Кунгуров.
Техредактор К. Д. Биряльмина.

Сдано в набор 1 декабря 1935 г.
Подписано к печати 3 января
1936 г. Формат бумаги $62 \times 94 \frac{1}{32}$.
Тираж 3.000. Бум. листов $1 \frac{1}{2}$.
Учетно-авторских 2,8. Знаков в
1 бумажном листе 50.688. Заказ
№ 2093. Востсибкрайлит № 69.
Опиз № 744.

Вркутск, тип. Опиза треста
„Полиграфкнига“, улица Карла
Маркса, № 19.

Цена 1 р. 25 к. Переплет 60 к.

885

10-2

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

10/21-1661

1/21-1383

9/
21 532

Колич. предыд. выдач _____

Т. „Ком. труда“ з. 880

1 р. 85 к.